

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

АМБИЦИОЗНАЯ КОРПОРАЦИЯ

**МОСКВА
2003**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.6 (осень 2003 г.).

А.И. Неклесса. Амбициозная корпорация / Научный Совет РАН «История мировой культуры». / 2 изд., испр. и доп. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

Выпуски серии выходят ежеквартально. Ранее были изданы:

А.И. Неклесса. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1 (лето 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.

А.И. Неклесса. Стратегическая матрица / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2 (осень 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.

А.И. Неклесса. Господин воздуха / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.3 (зима 2002/2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

А.И. Неклесса. Управляемый хаос / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.4 (весна 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

А.И. Неклесса. Механика глобальной трансформации / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.5 (лето 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.

Personalia

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член Экспертного Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы ФС РФ и Экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор более 250 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Около 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

Электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Т.И. Рудакова*
Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*
Компьютерный набор *С.И. Иванова*

© 2003, А.И. Неклесса

АМБИЦИОЗНАЯ КОРПОРАЦИЯ – AD LIB.*

ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА, РАЗОМКНУТАЯ ПРИРОДА МЫСЛИ

Наблюдая следствия, мы постигаем естество причин,
Поняв причины, мы познаем природу следствий
Леонардо да Винчи

Экономика – наука сумрачная
Томас Карлейль

В XX веке, наряду с утверждением в своих правах неевклидовой геометрии и постньютоновской физики, пространства классической индустриальной экономики заполняет заметно иная форма человеческой практики – интенсивная финансовая и цифровая (digital) деятельность, генетический наследник аристотелевой хрематистики.

Параллельно межгосударственной системе отношений выстраивается глобальная деятельная среда новых, транснациональных субъектов власти и развития.

На поле неклассической экономики и политики появляются синкретичные агенты действия – амбициозные корпорации, преследующие подчас параэкономические цели, но вместе с тем чрезвычайно эффективно решающие задачи и выполняющие процедуры привычного экономического целеполагания.

Новые организованности реализуют себя в рамках определенного уклада, который, являясь контекстом их деятельности, во многом предопределяет, «матрицирует» поля возможностей и формы деловой активности.

Неокопорация идет на смену государству – как World Wide Web идет на смену геометрическому (и географическому) пространству. Видимый распад и хаос оборачиваются новым порядком.

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

В прошлом столетии социальный и экономический ландшафт планеты драматичным образом преобразился.

В результате стремительной экспансии производительных сил – на волнах инноватики, научно-технической революции – промышленная экономика ощутила некоторые пределы своей востребованности, и как результат заметно изменилось соотношение между производством и потреблением, ибо основной головной болью экономики, в конце концов, оказалось не производство, а платежеспособный спрос.

---

* *Ad libitum* – свободная композиция, в произвольном порядке, по собственному усмотрению.
Сокращенную версию текста см. www.russ.ru от 20 и 25 августа 2003 г.

При этом ценообразование в новоявленной экономике избыточности постепенно уходило от жесткой связи с себестоимостью продукта, ориентируясь, скорее, на возможности и желание потребителя.

Что в свою очередь потребовало введения агрессивных форм подачи продукта, долгосрочной ценовой политики, слияния потребительских свойств с меняющейся модой (увеличивая оборот и одновременно легализуя практику дискриминационных цен) – формируя, таким образом, широкий спектр искусственных/престижных потребностей, возвращая и питая безбрежную телесность *общества потребления*.

Изменившееся положение вещей привнесло свою тональность и в извечную тягу цивилизации к глобальной просторности – вселенскому рынку в данном контексте, – замещая духом фритредерства логику национальных ограничений (протекционизма), сводя к некоей общей зале узкие коридоры прежней, зональной глобализации.

Особенностью прошлого века было также развитие квазиэкономических, деструктивных технологий и, прежде всего, в этом ряду – феномена высокотехнологичных войн...

К концу столетия – при явном повышении внимания к различного рода нововведениям, информационным и интеллектуальным процедурам – стало обнаруживаться парадоксальное на первый взгляд торможение научно-технического прогресса, особенно заметное – по контрасту с началом века – в области радикальных изобретений и открытий (*radical innovations*). А также очевидное доминирование оптимизационной формы инноватики (*progressive innovations*).

И, параллельно, – в условиях обозначившихся пределов роста техносферы, кризиса механистичной и технократичной ментальности – интенсивно развивается инноватика социогуманитарная, связанная с форсированной технологизацией человеческих отношений.

Характерными чертами данного процесса стало развитие финансово-правовых, управленческих и политических механизмов, системного подхода и прикладной математики, становление «экономики знаний», расширенное производство и перепроизводство информации, демпинг в сфере интеллектуального маркетинга и снижение качества массовой информации, лавинообразное распространение интеллектуального ширпотреба. И, кроме того, – экспансия универсального рынка в ранее недоступные для него сферы.

Последствия этой противоречивой и, в целом, достаточно неоднозначной коллизии, проявились в формировании многомерной, лишенной ряда прежних ограничений неоекономики постиндустриального уклада, самим фактом своего существования заметно повлиявшей на принципы композиции и логику хозяйственных связей.

Замедление же прогресса в естественных науках со временем сказалось в растущей дефицитности объемных сфер приложения капитала, в целенаправленном конструировании изошренных, софистицированных фантомов подобных сфер, в появлении глобальных пулов информационных и финансовых организованностей.

Подобное, комплексное, изменение общественной и хозяйственной среды – сопровождавшееся к тому же ощущением резко возросшей динамики социосистемы, предчувствием ее кардинальной трансформации – предопределило усилия корпораций по

преадаптации: поиску перспективных ниш деятельности, оригинальных предметных полей, что, в частности, позволяло – на какое-то время – запускать квазимонопольный характер ценообразования.

И, одновременно, очерчивало в сознании потребителей определенный сегмент реальности, устойчиво связывая его с тем или иным корпоративным организмом (*брендом*).

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Приблизительно на рубеже семидесятых годов XX века человечество ощутило резкое учащение пульса перемен и попыталось найти для проклюнувшейся реальности соответствующий ярлык: *постиндустриальное* или *информационное общество, конец истории, новое варварство, столкновение цивилизаций, глобализация...*

В калейдоскопе Нового мира, наряду с привычными структурами повседневности, проступает феноменология, связанная с заметно иным жизненным целеполаганием, с гораздо более высоким уровнем информационно-коммуникационных возможностей, с системной модификацией социальной и экономической среды обитания.

Все это, конечно же, влияло на организацию политической и хозяйственной деятельности, ее актуальные формы, механизмы управления.

Сильная государственная власть уходила в прошлое. На планете формировался симбиотический альянс между поступательным информационно-коммуникационным собиранием мира и стремительной агрессией финансового капитала, вырабатывалась новая парapolитическая (геоэкономическая) явь.

В меняющейся деятельной среде интенсивно развивались стратегии гибкого, полисемантического контроля/управления рынком, формировались разнообразные динамичные композиции. И параллельно росло значение капитализации как своего рода экономистического момента истины – интегрального показателя положения дел, значимого в данное время и в данном месте (*just in time price*).

Капитализация – складывающийся метаязык универсального рынка, приспособляемый для дешифровки и чтения любых антропологических текстов.

Она, конечно же, остается тесно связанной – хотя в ряде ситуаций постиндустриального производства уже не столь жестко – с рентабельностью предприятий, с текущей финансовой отчетностью. И в определенной степени с их физическими активами, основными фондами, бухгалтерской стоимостью.

В заметно большей пропорции соотносится она теперь с темпоральными характеристиками рентабельности, включая комплексный расчет рисков, с дисконтной геометрией чистых денежных потоков (*free cash flow to equity*) и т.п.

Вместе с тем в постклассической экономике все более значительную – подчас решающую – роль при определении рыночной капитализации предприятия стали играть протееобразные, не всегда легко формализуемые нематериальные активы.

Например, доступ к длинным деньгам, информация/знание *per se* и *ad hoc*, совокупные качества персонала, комплекс личных и социальных связей, корпоративная аура, позиционирование на рынке, желательно на глобальном. И в обществе в целом.

К восьмидесятым годам наметившееся расхождение между фактической рыночной капитализацией предприятий и стоимостью их физических активов становится очевидным фактором экономической игры, причем, как в постиндустриальной сфере, так и в традиционных областях хозяйства. Правда, отклоняясь при этом в разные стороны. Что выразилось, в частности, в таком показателе, как «коэффициент Тобина» (отношение рыночной стоимости к цене замещения реальных активов).

В девяностые годы разрыв стремительно увеличивается. В некоторых случаях он становится даже не кратным, а порядковым. Причем особое значение управление невидимыми активами приобретает для нового поколения игроков на обозначившемся виртуальном/цифровом поле.

Многие представления о структуре и характере экономического космоса изменились за это десятилетие, что, в конце концов, было зафиксировано в определении «новая экономика». Пристальный интерес вызывает, фактически, любой – в том числе и самый экзотичный – источник существенного роста совокупной рыночной стоимости, который удается опознать (формализовать).

Заметно выросло, к примеру, значение таких нематериальных/невидимых факторов/активов, как

- человеческого капитала – и, прежде всего, суммы контрактов ведущих сотрудников организации;
- суммы компетенций – и, прежде всего, умения управлять невидимыми ресурсами;
- интеллектуальной собственности – и, прежде всего, центрального бренда;
- качества цифровых массивов – и, прежде всего, уникальной/эксклюзивной информации;
- корпоративных связей (сетей, норм, взаимных обязательств, доверия) и корпоративной культуры в целом.

Взросла также роль стратегических активов и горизонтов, – то есть, опять-таки, все чаще учитывалось не столько текущее, сколько ожидаемое состояние дел, («колея», перспектива), степень влиятельности и включенность в значимые коалиции (не обязательно чисто экономические), общественное и профессиональное признание (авторитет), лидерство на рынке, инициатива, творческий подход (вплоть до провокативности), способность кардинально пересмотреть ситуацию, устойчивость по отношению к текущим и будущим рискам.

Подобное, быть может, не вполне явное в своем принципиальном различии изменение иерархии ценностей (*e.g.* соотношение шкалы *нематериальных активов* и *основных фондов, капитализации* и *рентабельности*), можно образно сравнить с соотношением *мутационного фактора* и *механизма естественного отбора* в процессе эволюции. Первый создает качественные прорывы, второй – обеспечивает планомерное освоение открывающихся ниш.

Так в преображенной хозяйственной среде начал распространяться особый тип полифоничной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом и сетевой орга-

низацией в целом. Культуры, в которой монотонность линейной логики последовательной оптимизации (*экономики*) была преодолена и превзойдена нелинейной – скачкообразной и динамичной – стратегией избыточности (*redundancy*).

«ЛЕСТНИЦА ИАКОВА»

Новые, *амбициозные корпорации* в центр своей активности ставят некую нематериальную цель (модель), серьезно понятую миссию, интенцию, идею специфического типа развития. Если угодно – собственное, оригинальное прочтение повседневности и горизонтов бытия.

По этой, заметно модифицированной системе координат меряются затем прочие виды корпоративной деятельности, концентрируясь вокруг смыслового центра – своеобразного «центра циклона», наследника прежнего института корпоративной хартии, – выстраивая сопрягающиеся с ним конфигурации, цепочки, ассоциации, группы.

Решение же ряда частных рабочих схем – а порой и производства в целом – передается сопредельному организационному рою на условиях франчайзинга и аутсорсинга.

В идеале, действия подобного макрокорпоративного агломерата нацелены на оптимальное сочетание – под эгидой своеобразного *деспотизма идеи* – интенсивной поисковой активности с системностью экстенсивных, пакетных действий в избранном направлении.

Амбициозная корпорация склонна при этом применять особые, «матричные» технологии, организующие, топологизирующие среду, создающие желательные для стратегических целей коллизии и композиции.

Причем линейная и последовательная очередность операций, внятность и четкость публичных акций, направленных на достижение намеченных целей, все чаще уступает место креативной стратегии непрямого действия, оказывающейся более эффективной в условиях перманентной нестабильности.

Иначе говоря, неопределенность тенденций и ситуаций начинает рассматриваться/оцениваться не просто как комплементарное свойство эпохи перемен – то есть как своего рода неизбежное зло, «пограничная полоса» меняющегося жизнеустройства – но в качестве выпуклой константы новой текстуры быта и бытия. И, порой, даже как основное системное свойство постсовременности.

При этом ориентация корпорации на максимально эластичные организационные схемы хорошо защищает ее даже в случае весьма серьезных потрясений.

Она вполне способна пожертвовать частью ради сохранения целого (идеального замысла), тем более что пути достижения цели в крупных корпорациях формируются по сценарному принципу, заранее предполагая – и планируя – определенные девиации/потери, что, отчасти, напоминает ситуацию целенаправленной жертвы в шахматной игре.

Подобный тип организационной культуры позволяет оперативно осуществлять комплексные акции в широком диапазоне и в реальном времени, синхронно решая мно-

гофакторные уравнения, выстраивая предельно диверсифицированные, гибкие системно-модульные схемы.

Все это или, по крайней мере, многое делалось, конечно, и раньше, однако масштаб, оперативность действий были совершенно иными.

Глобальный, кумулятивный эффект достигается за счет освоения современных оргдеятельностных, программных, технических, технологических инструментов. Иначе говоря, полномасштабная реализация подобного феномена – и характерных для нового динамического строя организационных схем (извлекаемых из методологии, процедур и механизмов управления хаосом) – оказались возможны лишь на основе постиндустриального уклада.

Однако, пожалуй, главный отличительный признак амбициозной корпорации – целенаправленное расширение пределов собственной компетенции, синтетический подход к человеческой деятельности, совмещение экономических, политических, культурных, идеологических задач «в одном флаконе», что позволяет решать каждую из них в отдельности гораздо эффективнее за счет достигаемого синергетического эффекта.

В сущности, речь идет уже не о хозяйственной активности, а о новой мировой проектности, о становлении по своему универсальной – но квазиобщественной и непубличной по существу – системы управления. Порой о решениях, касающихся стратегий развития человечества, а также о властных импульсах, формирующих сам контекст принятия подобных решений.

Амбициозная корпорация в своих различных модификациях это скорее социогуманитарное, нежели экономическое образование, причудливо объединяющее вектора разных направлений человеческой деятельности (*корпорация – понятие юридическое*). А также представителей элиты, все чаще действующих вне привычных структур власти и во вполне транснациональном контексте.

Здесь, кстати, само понятие «корпорация» приобретает прежний, основательно подзабытый смысловой оттенок.

WE BUILD THE FUTURE

Корпорации, преследующие в основном экономические цели, также претерпевают заметные изменения. Особое качество происходящих в их недрах перемен – интенсивная интеллектуализация рутинной деятельности, увеличение доли креативной составляющей в теле продукта и механизмах его реализации, расширение рабочего пространства высоких технологий, включая гуманитарные.

В XX веке данная тенденция выпукло проявилась в ходе системной трансформации политических, экономических, социокультурных институтов цивилизации. Однако последствия одной из самых впечатляющих творческих трансформаций прошлого столетия – революции в сфере производительных сил, революции стремительной, масштабной, базирующейся с одной стороны на каскаде фундаментальных изобретений, а с другой, на оптимизационном алгоритме конвейерного производства, – оказались сокрушительными для прежних форм экономической и социальной практики.

Статус изделия, «вещи» резко понизился, а человек-производитель, *рабочий*, все чаще оказывался избыточной величиной. Производство утратило прежнее, центральное, положение в экономике, зато все большее значение стали приобретать другие факторы: диверсификация нематериальной сферы, нетривиальные формы финансовых операций, разнообразие организационных технологий, способность к быстрому обновлению, скорость экспансии/роста организации, ее репутация, умелое управление рисками.

А, кроме того, такие специфические категории, как неотчуждаемые активы, неосязаемые (*intangible*) блага, неотделимое (*tacit*) знание, интегральная капитализация – существенно меняющая взгляд на императив рентабельности компонентов системы. И вся корпоративная инфраструктура в целом, сам стиль отношений с внешним миром, реклама, маркетинг...

«Продается продукт, покупается бренд» – этот лозунг становится фокусом стратегического планирования крупных корпораций, стремящихся к занятию определенной, устойчивой и долговременной ниши (своеобразного аналога *корпоративной привилегии*) в круге жизнедеятельности современного человека.

Обустроивая ту или иную площадку, подобная корпорация ориентирована на идеологию и инструменты «штабной экономики» – умение эффективно управлять невидимыми активами, использование высоких финансово-правовых технологий, владение политическими и культурными языками релевантного контекста.

Экономические организмы, имеющие определенные амбиции и чутко улавливающие *Zeitgeist*, все чаще стремятся к учету разнообразных социогуманитарных факторов, к приращению социального и символического капитала, постепенно трансформируясь в некие комплексные организмованности, в деятельности которых все большую роль играют интеллект, творчество, интуиция.

Уместно в данном контексте вспомнить примечательный диалог Дэвида Паккарда и Джона Гейджа, создателей компаний *Hewlett Packard* и *Sun Microsystems*. Дэвид спрашивает Джона: «Джон, сколько человек тебе нужно для организации производства?». Джон отвечает: «Шесть, может быть восемь...». Рустем Рой, ведущий дискуссии (а проходила она в 1995 году в знаменитом отеле «Фермонт» на съезде 500 представителей мировой элиты и регламент выступлений был 5 минут), обостряет ситуацию, задавая вопрос: «А сколько человек реально работает в корпорации?». Следует мгновенный ответ: «Шестнадцать тысяч, но они, в основном, являются резервом для рационализации».

В конечном счете, живительным импульсом амбициозной корпорации, ее энергичным и смысловым сгустком становятся усилия ключевых креаторов, претворяемые в системные действия по трансценденции сложившихся обстоятельств, по разрыхлению и осеменению утрамбованной повседневности.

Усилия – соединенные в хорошо темперированном порыве – преобразуются затем в стратегический прорыв, на гребне волны настигая ускользящую, хаотизированную, турбулентную реальность и в динамичном равновесии с экзистенцией заключая долгосрочный контракт с будущим.

Корпорация получает твердые гарантии существования и перспективу развития, отыскав некий природный мускул, центр тяжести, трек, пусть и в неопознанных до вре-

мени землях. Золотоносный участок, лишенный ценности для одних и невидимый до поры – в своем уникальном качестве – для других.

Прорыв в будущее, утверждение непрерывно возобновляемых прав на него, может стать следствием нетривиального взгляда на ландшафты Трансграничья, прозорливого суждения о грядущих потребностях его обитателей, оригинальной проблематизации положения дел и ее гениального разрешения.

Иными словами, в корпоративной среде с какого-то момента начали высоко котироваться сценарные активы и изыски, свободное владение пространствами новизны, искусство прогностических операций/активное представление будущего, поиск провиденциального ответа на неощутимый для конкурентов вызов времени.

Подчас все эти квазиброуновские телодвижения диссипативных структур могут выглядеть причудливым танцем, «гарниром к реальной деятельности», претензией на позицию в координатах, на сегодняшний день просто не существующих. То есть, – как химеричный бизнес-план проектирования, конструирования и колонизации Утопии.

Или как безумная ставка современных конквистадоров на продукты, которые не востребованы рынком и даже не помыслены потребителем.

Однако же преадаптация к смутно различимым пейзажам виртуального Эльдorado, скрупулезное вычерчивание их призрачной топографии (приглашенными из иной реальности и подчас самозванными землемерами), постепенно становится признанной предпосылкой успеха, чем-то напоминая историческую гонку за возможность утвердить фирменный флажок и само имя (*логотип*) на полюсе обитаемой яви. Обеспечивая тем самым право на пребывание в дольном мире и на продолжительное существование в нем.

Роль традиционного производства при этом снижается. В тех или иных формах оно все чаще передается контрагентам, уходя в среду аутсорсинга, в периферийные географические и геоэкономические пространства. В центре же процесса – на полюсе геоэкономического универсума – оказывается своеобразное «высокотехнологичное Версаче»: производство бренда и правил игры, генеральной политики и ключевых решений – деятельных моделей и лекал вселенской мастерской.

На этой кухне все реже пекут серийные пироги, оставляя незатейливое производство клонов для местных пекарен. Словно споры своего естества, корпорация распространяет некий особый продукт – собственную эманацию – в качестве агента универсальной экспансии. Продумывает его умножение, стратегические конфигурации, маршрутизацию продаж, ведя эффективную – экстенсивную/интенсивную – борьбу за платежеспособный спрос. Форсированными методами (*проубинг, маркетинг, реклама*) осваивая и закрепляя за собой транснациональные, глобальные просторы.

Расширяя диапазон восхищенных потребителей, амбициозный организм в какой-то момент пересекает невидимый рубеж (*high frontier*) сугубой социоэкономической инициации, приватизируя будущее и воплощая авторскую версию возможного.

И хотя на поверхности мы видим очертания привычных экономических организмов, слышим вполне расхожие имена, однако их начинка – генетически модифицированный продукт, в котором изменены целеполагание, траектория движения, организационный дизайн. А также соотношение функций между управленческим корпусом и

внешними финансовыми операторами, распределение ролей между владельцами и стратегами.

ЧЕТВЕРТОЕ СОСЛОВИЕ

У рычагов всей этой пластичной механики – разъявшей прежние оболочки материалистического конструктивизма и существенно подвинувшей его тектонические плиты – оказалась особая антропологическая генерация, новая властная порода, *новый класс*, в той или иной форме враждебный прежнему порядку вещей.

Из гибких и не всегда легальных (формальных) организованностей постиндустриального уклада на арену деятельной интриги выпрыгнули сухощавые финансовые дьяволы, с какого-то момента придавшие промышленному производству привкус второсортности. А ткачеством социальной паутины занялись «люди воздуха» – ноогенная эфирократия, столь отличная по своим мыслительным горизонтам от привычного «третьего сословия» буржуазии.

Прежняя, протестантская культура отцов-основателей мира Модернити оказалась отодвинутой в сторону и, в конце концов, низвергнута с исторического пьедестала. Синкретичные элиты Нового мира утверждают эру новых богов, активно перекраивая политические и экономические покровы повседневности, объединяя лейтмотивы и обертоны национальных хозяйств в полифоничную додекафонию информационно-финансового универсума.

По правилам и ранжирам этой сумрачной поэтики вычерчиваются эскизы футуристических миражей: мировой эмиссионно-налоговой системы и динамичного баланса глобального долга, национальных и региональных механизмов страхования, доктрин планетарной безопасности и алгоритмов деятельного, форсированного управления рисками. Облекая, таким образом, земными покровами смутные до поры социополитические проекты и апокалиптические амбиции.

При этом речь может идти о сотнях миллиардов долларов, рутинно передвигаемых по глобальной шахматной доске в ту или другую сторону. Но в первую голову постсовременные игроки в бисер оперируют семиотическими и смысловыми комбинациями, трансмутируя их в переливающуюся амальгаму правил «очень большой игры».

Созданные таким образом прописи «золотого консенсуса» транслируются/диктуются затем спутникам и клиентам генеральной амбициозной корпорации – бродящего по планете транснационального призрака, в своей геоэкономической ипостаси (глобальной «штабной экономики») ведающего перераспределением мировых ресурсов и дохода, созданием новых объектов собственности и предметных полей деятельности – всей необъятной топографией зазеркальной реальности.

Подчиняясь логике человеческих, порой слишком человеческих проекций и соблазнов, в штаб-квартире виртуального зикурата – плацдарма спроса/предложения актуальных вещей, услуг, сущностей и понятий – с некоторого момента зарождается искушение, идея, тенденция, проектность торможения и свертывания в той или иной форме постиндустриальной реконструкции мира.

Речь, с определенного момента, может идти о завершении штурма ментальных пространств, о сведении воедино картографии/семантики приватизированных – тем или иным способом – когнитивных предметных полей, всей совокупности нематериальных ландшафтов бытия. И о создании глобального каталога, исчерпывающего творческие прописи человеческого космоса.

Параллельно выстраивая собственную служилую иерархию контроля/распоряжения соответствующими колониальными ресурсами, завершив, таким образом, постиндустриальный передел Ойкумены.

Однако, находясь в своеобразной суперпозиции по отношению к привычным алгоритмам практики и познанным способам проекции власти, генетически обновленные организованности и креаторы могут самостоятельно принимать генеральные решения, совершая селекцию значимых стратегий и альтернатив.

Исходя из гораздо более сложной картографии социального космоса, удерживая целостную (*предизбранную*) картину мира, они при желании уклоняются от навязчивой фиксации функциональной позиции, широко пользуясь при этом нелинейной проектной логикой и органично связанной с нею принципиальной неопределенностью реализуемых на практике инициатив.

Экономика, тем более ее хозяйственная ипостась, – всего лишь прагматичное (условное, ситуационное) лоно, скорлупа возникающего на планете *нового органа*. Это плацента мира корпораций, производящих на свет, в конечном счете, не механизм геоэкономического универсума, но принципиально неопределенную совокупность многовекторных параллельных миров, часть из которых остается невидимой для классического наблюдателя.

Горизонты подобной «многомировой» (полифоничной, «суперструнной») интерпретации меняющегося статуса социальной реальности могут быть пунктирно обозначены в рамках следующего рассуждения:

- неопределенность – это все-таки не транзитное состояние преходящей перестройки социума, не временно преодолеваемый человечеством постиндустриальный барьер, но некий устойчивый статус постсовременной жизни;
- причем это не столько онтологическое (и феноменологическое) состояние, сколько отражение растерянности редуцированного сознания, оказавшегося не в состоянии определить новый порядок вещей и прописать себя в нем, соответственно воспринимая его как неопределенность, нестабильность и анонимность;
- таким образом, мышление современного человека обнаружило себя в модальном (предзаданном) тупике, будучи не вполне адекватно сложности траекторий и полноте позиций постсовременного социокосмоса, стремительно выходящего из-под власти/логики авторитарных механизмов, прежних методов и способов проекции власти;
- инструментарий классической (линейной, аристотелевой) логики явно редуцирован по отношению к постсовременной социальной феноменологии, к актуальному положению дел, и оперирующее им сознание с некоторого момента не прочитывает сложные (полноценные) социотексты, либо прочитывает их усеченным, фантазийным образом, вновь оказываясь под властью мифологичных кодов интерпретации мира;

- соответственно, полноценное понимание тектоники постсовременного ландшафта, ее генезиса, статуса и прогноза, напрямую связаны с трансценденцией привычных моделей построения социогуманитарного дискурса, с трансформацией всего аналитического и интеллектуального аппарата; – это, в сущности, проблема революции сознания, восстановление в своих онтологических правах нелинейной (объемной, неклассической, тринитарной) логики, приближающее человеческое восприятие, а соответственно и коды практики, к реальной сложности бытия.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГРАД

Цивилизация – определенная форма (градус) существования культур, ассоциируемая чаще всего с достижением урбанистической стадии развития (*civilis vs. rusticus*).

Культура представляет личность исторического индивида, цивилизация же соответствует его фазам развития, «возрастам», но не всем, а преимущественно тем, которые ассоциируются с достижением и удержанием зрелости.

Культуры, как и личности, уникальны, представляя собой оригинальные бытийные коды, специфика которых сохраняется сквозь столетия, усложняясь или, случается, уплощаясь.

Стадии же их роста (степень цивилизованности) – «детство», «юность», «зрелость» – универсальны, хотя не все исторические организмы проходят по этим ступеням, порой сходя с дистанции до срока.

Кроме того, на эмпирическом уровне, со времен гибели великих империй древности, нам отчасти известны и некоторые непростые состояния культур – их постцивилизационные состояния...

В обновленной среде радикально меняется сложившийся тип цивилизации. Секулярный триумф Большого Модерна возрождает в человеческом общежитии – разделенном на разноязыкие кварталы – дух вселенской империи, однако, неровности анизотропной оболочки глобальной социоконструкции различным образом фокусируют нелинейность постсовременных перспектив.

Городская культура, предчувствуя стремительную мутацию, мастерит эклектичный коллаж из расползающейся по полям и весям бродильной среды мегаполиса. Множится феноменология деурбанизации: элитные загородные поселения, внутригородские замки и огороженные кварталы, уродливые фавелы и бидонвилли – все они по-своему напоминают о потускневших идеалах *global village*.

И уже сам выбор термина на семантическом уровне фиксировал предощущение конца цивилизации, по крайней мере, в ее прежнем понимании.

Вилиджизация существует вне символической городской черты, это совершенно иное прочтение исторического текста. Возможно, заря постцивилизации, но, быть может, склоненная глава земного града перед скрытым наследником, анонимным до поры персонажем истории.

Город-фабрика, город-предприятие, умирая, переживает родовые схватки. Словно гусеница, становящаяся бабочкой, он преображается в летучий остров Новой Лапутании

– динамичную неокорпорацию, эффективно объединяющую рассеянных по миру сотрудников, соединенную с прежней земной географией системой своеобразных терминалов – сетью былых метрополисов, этих *hub'ов* нового мира.

Космополитичные модули связывают миллионы активно действующих людей уже не общей территорией проживания, но контрактом, рабочим пространством, средствами телекоммуникации, самой гипергеометрией корпоративного бытия.

Стремительно расширяющаяся вселенная – находясь на пороге исторического *Big Bang'a* – создает собственный глобальный проект: дизайн сверхоткрытого, но по-своему элитарного и даже иерархичного общества, во фрактальных глубинах которого смешивается реальное и иллюзорное, растворяется централизованная среда обитания, рождая многомерное пространство полностью разделенных рисков.

На распахнувшихся просторах выстраивается эфирная конструкция Глобального Града – предельная композиция прежней организации – как трансграничная матрица взаимодействия сотрудников и членов международных космопарков, элитных клубов, ТНК и ТНБ, криминальных консорциумов, разнообразных, в том числе экзотичных субкультур.

Обитатели этого интернационального трансформера – родового топоса деятельных организованностей, диаспорального мира разноликих корпораций – связаны между собой подчас более крепкими узами, нежели с населением собственных стран.

Бывший же Новый Свет, последний рубеж уходящей эпохи Модернити, превращается в своеобразный супертерминал – *portus* истинного града транснационального клана динамичных кочевников, не имеющих единого отечества и других земных горизонтов.

Социальное, публичное пространство постепенно размывается, становясь безбрежным, многовариантным, непознанным. Иллюзии и вымыслы, синкретичные мифы и тайное знание вновь органично сплетаются с обыденностью, все чаще проявляется мистификация новостей, анонимность их генезиса, случается, что и сам факт события оказывается небесспорным.

Совершенная коммуникация разносит аранжировки мелодии гамеленского крысолова, а городской ландшафт, равно населенный людьми и химерами, сворачивается в многослойный, многоликий интерьер, выводя разноголосую жизнь в бескрайние тоннели электронных СМИ и Интернета.

В финальной/фазовой просторности Нового мира, – где каждый миг открыт для конкуренции полноты его вероятных состояний, – неокорпорация, этот так до конца и не опознанный, «воздушный» объект постсовременности, соединяет пульсирующей пуповиной материки прежней реальности с глубинами виртуального океана, разверзающегося перед изумленным человечеством.

«Открылась бездна, звезд полна...»

...Присущее энергиям цивилизации стремление к ясности сознания – равно как и инициированная токами Просвещения четкость категориального аппарата – под воздей-

ствием человеческой немощи слишком часто проявляется в тяге к чертежам, протезам, упрощениям. Мир же устойчив в своей неопределенности.

Желающим его превозмочь, раскодировав актуальные причины и прочитав маршруты вселенской турбулентности, очевидно, не стоит ориентироваться по реестрам пожелательных карт, либо пользоваться протоптанными тропами, – береговая линия повседневности не подвластна числу, не имеет жестких границ. Ее видимое существование и кажущаяся однозначность есть, в сущности, не что иное, как выражение коллективного согласия и, отчасти, усталости.

В целях же удержания темпа преследования динамичного быта, остается следовать внутреннему зову, на ощупь определяя конфигурации времени. Проявлять находчивость в его кривых переулках, исходя из буйства собственной фантазии и трезвости здравого смысла. По движению ветра и по колебаниям тверди опознавать присутствие в земной атмосфере странного аттрактора стремительной новизны.

Уповая при этом на Провидение.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА КОРПОРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ (МОДЕРНИЗИРОВАННАЯ СХЕМА АВТОРА)

- *идея корпорации (mission)* – фиксирует ее базовые ценности, специфику и цель деятельности, демонстрируя при этом готовность к долгосрочному масштабному действию;
  - *лицо корпорации в мире (vision)* – констатирует содержание и специфику деятельности корпорации, общее направление стратегии, контур будущей ситуации, на достижение которой направлена стратегия;
  - *состояние корпоративного поля в целом (industry)* – очерчивает контекст профессиональной ситуации в его актуальном аспекте;
  - *«золотой ключик» (core competition)* – базовое преимущество корпорации в существующем профессиональном контексте;
  - *«колея» (genetic strategy)* – органичное и оптимальное для данного вида деятельности направление конкурентоспособной стратегии;
  - *внутренние и внешние ресурсы (in/ex resources)* – внутренние и внешние ресурсы + ситуации партнерства и стратегические союзы, которые могут быть использованы для усиления позиций корпорации;
  - *динамичная оргструктура проекта (improved organizational structure)* – принципиальная организационно-деятельностная матрица реализации проекта, содержащая возможности ее модификации по мере реализации проекта.
-

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕДЕЛ РОССИИ*

Богатство состоит в пользовании, а не в праве собственности
Аристотель

Светские террористы в темных элегантных костюмах,
они сражались не автоматами АК-47, а меморандумами,
докладными записками, аргументами и утечками информации.
Это была ничем не ограниченная война, война без правил
Ричард Перл

ИНТЕЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

- «Аналитическая журналистика в современной России – отсутствующее звено». Почему все же появляются такие формулировки? Откуда возникает ощущение дефицита серьезной социогуманитарной, политологической мысли?

- Мне представляется, что истоки данного феномена – чрезвычайно низкого регистра, не столько качества, сколько именно регистра, современной российской социогуманитарной и политологической мысли – можно попробовать отыскать в ответе на вопрос о стратегическом субъекте того или иного явления, о его генезисе, актуальном состоянии и основных намерениях (целеполагании). А разговор у нас – даже в контексте проблем журналистики – идет все-таки не о «желтой прессе», и даже не о СМИ как таковых, но о существовании ином ареале *публичной интеллектуальной деятельности*.

К сожалению, центральной проблемой России в XX веке – имперской, советской, постсоветской – был системный кризис элиты. И, одновременно, естественным образом связанный с ним дефицит состоятельного, долгосрочного социополитического анализа, прогноза, планирования, понимания того, каким образом осуществляется управление в современном мире, что такое система стратегических оценок и приоритетов, насколько тесно связана она со свободным интеллектуальным поиском.

В советский период деформация интеллектуального поля отчетливо проявлялась, к примеру, в тотальном доминировании естественнонаучных исследований при сознательной и последовательной стерилизации социогуманитарного дискурса, что уничтожило саму платформу, основу реального политического анализа и эффективного социального конструирования. Поэтому такая, скажем, организация, как ЦК (центральный комитет большевиков) – которая, в общем-то, выстраивалась именно как орган политического/стратегического поиска и планирования, как поле профессиональной дискуссии власти и где в годы становления/институционализации новой системы управления действитель-

---

* Сокращенную версию текста см. www.russ.ru от 22 октября 2003 г.

но велись острые дебаты по поводу стратегических альтернатив – была быстро выхолощена и выродилась в нечто иное.

Наиболее же неприглядный эпизод в истории российской аналитики, если позволительно считать его эпизодом, это, пожалуй, 70-е годы прошлого века: время, когда российская социогуманитарная мысль – и политическая аналитика в частности – проявила качества слепого пятна во взоре правящего класса. Лидеры Советского Союза, их «интеллектуальная обслуга» просто проморгали разворачивавшуюся на планете глобальную революцию.

Рубеж 60-70-х годов – трамплин стремительного ускорения процессов в мире, время радикального перелома, совершенно особого темпа политической динамики, зарождения нового поколения общественно значимых систем и коммуникаций. Сценарная, прогностическая культура начинала осмысливать такие экзотические темы – востребованные уже в наши дни – как, скажем, принятие решений/управление в условиях турбулентности и неопределенности, то есть *хаососложность*, *диссипативность*, *критические зоны самоорганизации*, *фрактальные пейзажи*. В России же, наверное, не случайно – несмотря на внушительный экономический рост – данный период обозначил себя как «застой». Эта упущенная полоса возможностей, утраченный исторический шанс и по сей день сказывается специфической оскоминой.

Однако, кажется, более интересно было бы поговорить о тех аспектах проблемы, которые связаны с ситуацией 2003/4 гг. в России.

К этому времени в обществе возникло ощущение, что картография социально-экономического ландшафта, сложившегося после раздела советского имущества и структур власти, более-менее эксплицировалась, обозначила себя. Совершилось становление влиятельных (властных, *олигархических*) группировок, основанных на обладании ключевыми ресурсами, – а в мире, тем более современном, ресурсы политические и экономические связаны неразрывно. Кстати, одним из парадоксальных симптомов того, что ландшафт действительно сложился, явилась актуализация «проблемы передела». Быть может, это звучит странно, но здесь нет противоречия: чтобы появилась возможность *передвигать* фишки на поле, должна сначала возникнуть некая общественная связанность, более-менее артикулированный текст. Иначе говоря, к обозначенному временному рубежу материальные ресурсы России подверглись тотальной рыночной инвентаризации.

Между тем к тому моменту, когда материальные ресурсы были в основном поделены, и уже вызревала иная проблема, связанная с асимметричным распределением собственности и власти в стране, – параллельно, складывается ситуация, которая мне субъективно наиболее интересна. Это формат постиндустриального передела, время пристального внимания к *функциональному* (а не только *вещественному*) аспекту бытия новых российских организованностей, распределения и перераспределения нематериальных ресурсов России, деятельного картографирования ее политического и интеллектуального поля, фиксации долгосрочной социокультурной ориентации. Возникла также перспектива появления на этой площадке нового игрока: того или иного варианта российской амбициозной корпорации.

В сущности, многие актуальные ныне дискуссии, так или иначе, затрагивают проблему постиндустриального передела, «политического реализма», модификации страте-

гической и проектной деятельности в стране. Правда, не всегда в откровенной, прямой форме. Одним из частных примеров этому может служить куст аналитики, который процветает сейчас под несколько двусмысленным ярлыком «промполитика». Проектный ландшафт, на котором сталкиваются две версии будущего пейзажа РФ.

Модель, основанная на стратегии *сырьевого* развития, – которое, кстати, может быть одновременно высокотехнологичным, но остается сугубо индустриальным. Тем более, что в ближайшие годы стране, судя по всему, придется наращивать практику сырьевого форсажа, хотя бы с целью амортизировать ряд негативных тенденций, связанных с невозможностью реализовать «модернизационный пакет 2000 года», а также сопряженные с ним социальные обязательства.

И перспектива развития *инновационного*, различными нитями связанного с постиндустриальной реальностью «технологического сообщества», но которое, в силу эклектичного состава лоббирующих его группировок – а также множества иных причин – нередко мимикрирует, фигурируя под фиговым листком промполитики.

Существует, впрочем, и третий подход, правда, до сих пор внятно не артикулированный, но предполагающий – по крайней мере, в теории – гармоничную связанность, *когерентность* двух обозначенных выше деятельных пространств.

- *О переделе каких нематериальных ресурсов собственно идет речь?*

- Ответ на этот вроде бы нехитрый вопрос лучше начать издалека. Основной процесс, который, с моей точки зрения, разворачивается в сегодняшнем мире – это именно глобальный постиндустриальный передел. Постиндустриальная деятельность это ведь не только производство услуг или пространство финансово-правовых акций, но и различного рода операции с нематериальными активами, обретающими все большую объективность, «объектность» и ценность в современном мире. Это новые параметры, новая рамка социальной и экономической практики, ее новые предметные поля.

Вся механика цивилизации Модернити на протяжении XX века давала сбой за сбоем. За прошлое столетие на планете произошло слишком много «судьбоносных коллизий» ломавших горизонт, стереотипы и самоощущение человеческого сообщества. Трансформировались, мутировали практически все основные механизмы современной цивилизации: культурные, политические, экономические. Социальное пространство утрачивало стратегическую однородность (гомогенность) и общепризнанный вектор прогресса – быть может, основное наследие эпохи Нового времени.

Где-то к 70-м годам возник альтернативный образ общества, каркас нового состояния, для которого у нас, пожалуй, на сегодняшний день нет адекватного определения, хотя попыток было немало: *общество постиндустриальное, информационное, сетевое, конец истории, столкновение цивилизаций, новый мировой порядок, новая мировая анархия, новое варварство, реориентализация, глобализация, локализация, постсовременность*. И которое, поэтому, я предпочитаю называть просто Новый мир.

В это время складываются новые механизмы управления развитием, прорастает новая политическая семантика, транснациональная культура, формируется новая – финансовая, цифровая – экономика. Но, пожалуй, главное: к усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ новый класс.

Это была генерация «людей воздуха», связанная с постиндустриальным (нематериальным, *воздушным*) производством и враждебная прежнему порядку вещей. Когда процесс только разворачивался, – а он отчетливо обозначил себя именно в начале 70-х годов, преимущественно в Соединенных Штатах, – то поражал пестрый, эклектичный характер идущей к власти плеяды.

С одной стороны, это были представители элиты в более или менее традиционном понимании. Среди них – люди, управляющие финансами и юриспруденцией, средствами массовой информации и коммуникации, разнообразными интеллектуальными процессами, люди, держащие руку на пульсе систем социального контроля, воспитания, образования. Лица, активно участвующие в передаче властных импульсов в системе «элитный клуб – *think tank* – административный аппарат». С другой стороны, это новое поколение имело совершенно нехарактерный для прежней элиты привкус контркультурных движений. И выраженное пристрастие к свободной – лишенной прежних ограничений – интеллектуальной медиации. А также – к интенсивной, провокативной акции, амбициозному, масштабному риску.

Отличие новой элиты от предшествующей было настолько острым, что, порой, оно воспринималось, чуть ли не «антропологически». Совокупно же, рвущийся к власти новый класс можно обозначить как *четвертое сословие*.

То есть происходила своеобразная элитная революция, новоявленное четвертое сословие вошло в исторический клинч с традиционным, буржуазным (третьим) сословием. А поскольку транснациональная страта «людей воздуха» была тесно связана именно с нематериальным производством – с финансами, правом, информатикой, коммуникацией, индустрией всяческого проектирования, осмыслений, развлечений, с управлением ритмами повседневности и перспективным целеполаганием, – то и центр социоэкономической активности постепенно сместился в новые предметные поля.

В частности, в цифровую/финансовую экономику, в информационно-коммуникационную среду, в управленческую, интеллектуальную и образовательную деятельность (правда, прочитанную во многом в обновленном формате), наконец, в массовую культуру.

Этот достаточно эклектичный и взрывчатый «коктейль Голливуда и Гейтса» постепенно набирал очки и начинал осознаваться как единый социальный текст, причем текст, все более утверждавшийся в актуальной реальности, занимая в ней доминантные позиции. Сейчас, пожалуй, психологически затруднительно полноценно и адекватно восстановить прежнюю шкалу оценок/стереотипов, господствовавших в обществе до пересечения этого Рубикона, хотя отделяют нас от того времени лишь считанные десятилетия.

Реализация обновленного стиля власти, акцентировавшего управление публичными образами и стереотипами, социальной семантикой и целеполаганием, всей простотностью нематериальной инфраструктуры общества; власти, стремящейся овладеть способностью к принятию эффективных решений и осуществлению системных действий в условиях длительной неопределенности, – все это оказалось возможным именно в среде, обладающей совокупностью могучих постиндустриальных механизмов, креативных мен-

тальных/интеллектуальных технологий и имеющей выраженную склонность к активному представлению будущего.

Постиндустриальный уклад – плодоносящее лоно нового пространства операций и нового поколения социальных операторов. Интенсивность действия сдвигается здесь в область управления самими формулами решений, одновременно взращивая и приводя к власти специфический, влиятельный социальный слой.

Причем в отличие от характерного для последнего столетия кризиса перепроизводства в области материальной деятельности, основной барьер в ментальной/постиндустриальной сфере – это устойчивость смысловых и языковых рамок, которые эффективно ограничивают/организуют мышление и воображение, очерчивая, таким образом, топологию социальных интенций и устанавливая тем самым коридор личных целей и амбиций.

Иначе говоря, проявляется и действует ангажированная, интенсивная синтактика еще не написанного постсовременного текста, происходит борьба за перехват субъектности в открывающихся эфирных пространствах, за аранжировку их зыбкой картографии и амбивалентного рельефа.

Быть может, именно это направление интеллектуального процесса и является наиболее важным вектором постиндустриального производства, – присовокупив, впрочем, к нему такие динамичные ареалы *инструментальных* высоких технологий, как, скажем, телевидение, сотовая связь, Интернет. Но и уже сложившейся формат – социальное планирование, клубная активность, «мозговые центры», журнально-аналитическая работа, образовательная сфера, – вся подобная деятельность стала с какого-то момента прочитываться в изменившемся, по-своему холистичном контексте вполне синергичным образом.

Одновременно велась интенсивная борьба за перспективные кадры, за сеть терминалов интеллектуального влияния.

Такие влиятельные издания, как, скажем, журнал *"Foreign Affairs"*, исполняли в подобной среде роль, чем-то отчасти напоминающую функции директивного органа советского периода – журнала *«Коммунист»*, только в ином масштабе. Причем внутренняя геометрия данного социогуманитарного пространства на практике организована оригинальным, дихотомичным образом. В качестве первой, приходящей на ум аналогии, я бы использовал образ мирового состязания компаний *«Кока-кола»* и *«Пепси-кола»*. Или, примериваясь к российскому интеллектуально-аналитическому сетевому пространству: «диполию» *«Русского журнала»* и *«Русского архипелага»*. Так же и на американской площадке на определенном историческом этапе мы видим состязательность того же журнала *"Foreign Affairs"* – и, к примеру, *"Foreign Policy"*. Равно как уже в другом деятельном регистре – дихотомию Республиканской и Демократической партий США.

Подобные диады возникают не случайно. Они создают специфическую «растяжку», выстраивая предметную – идеологическую, интеллектуальную, общественно признанную – рамку процесса. В данной нише происходит структурирование конъюнктурных социополитических смыслов, которое транслируется затем через администрацию в виде конкретных политических действий. Конечно, это – лишь модель процесса, то есть

весьма упрощенное описание реальности, отражающее, однако, ее определенные существенные черты.

Сегодня в России мы обнаруживаем, по сути, лишь стартовые позиции комплексного постиндустриального процесса. С одной стороны, действуют системные постсовременные тренды, постепенно охватывающие мир, точнее, доминирующий в мире Новый Север. С другой, – начинает ощущаться специфический российский привкус «новой золотой лихорадки». Связанный, в частности, с осознанием, что помимо стратегической тупиковости ситуации, складывающейся вокруг «материальных ресурсов недостроенного социализма/капитализма» (к тому же передел – достаточно сложное, далеко не для всех доступное занятие), существует еще одно Эльдorado, лежащий практически вне силовых линий прежней brutальной динамики Клондайк. Иначе говоря, есть некие, практически незатронутые в «бурные девяностые» территории и аспекты развития.

Попытки выдвинуться на эти территории русской «постиндустриальной целины» я наблюдаю на протяжении последних лет. Но само продвижение в динамичную и изощренную просторность «воздушного мира», как представляется, носит по преимуществу рефлекторный и бессистемный характер. Хотя некоторые акции попадают «в десятку», занимая устойчивую семантическую нишу.

Подобные действия, собственно и являются системной приватизацией, по крайней мере, одной из ее форм, сопровождающейся структурированием/конструированием/прочерчиванием не столько материального, сколько функционального, социополитического, семантического рельефа России, формированием интеллектуальных, корпоративных и торговых сетей.

Я не обсуждаю здесь исторические/политические траектории таких российских информационных суперпроектов, как, скажем, *НТВ* и «*Эхо Москвы*», «*Независимая газета*» и «*Завтра*», «*Коммерсант*» и «*Эксперт*»; или таких, фактически, пилотных проектов, как «*Консерватор*», в силу определенной акцентуации разговора. Но, конечно, нельзя не обратить внимание на происходящее в этом ареале интенсивное перераспределение постиндустриальных ресурсов. Неоднократная смена управления/прав собственности за весьма короткий период на том же канале *НТВ* или на *ТВС (ТВ-6)*. Кадровая, политическая, структурная чехарда на других каналах. Движение высшего менеджмента в «*Московских новостях*», «*Известиях*», «*Огоньке*» (да и в таком специфическом издании, как «*Парламентская газета*»). Кризис, уже поразивший сложившуюся ранее политологическую клубную систему.

Тут есть, правда, своя особенность. Сейчас можно отчетливо, словно в лабораторной реторте наблюдать, как накопленный ранее объем политической – правой и левой – концептуалистики и фразеологии свободно перераспределяется в соответствии с задачей момента (избирательным марафоном). Естественно, что оперативно-тактические интересы, порождаемые политической конъюнктурой, накладываются при этом на корпус долгосрочного целеполагания и стратегических тенденций, искажая их природу и смещая основной корпус перемен в тень...

Выстраивание долговременной и диверсифицированной постиндустриальной среды, ее последовательное освоение, сопряжены при этом с актуализацией и усложнением

коммуникации с первопроходцами/обитателями «воздушных» ареалов транснационального, постсовременного космоса.

В этом процессе слышны как звонкие лейтмотивы, так и глухие обертоны, некоторые из которых обсуждать достаточно затруднительно. Скажем, определенные обертоны в «сюжете Ходорковского», один из которых связан как раз с проблемой перспективного структурирования культурно-политического ландшафта России, продвижения в ее политическую и социогуманитарную культуру, в систему подготовки, отбора, продвижения будущих кадров. В сложившихся на сегодняшний день национальных, и транснациональном контекстах подобная деятельность имеет свои устоявшиеся, конвенциональные, согласованные формулы, некоторые из которых, правда, как-то не принято публично обсуждать. В России процесс институционализации неформальных, сетевых, диаспоральных связей также развивается, организуется и будет развиваться дальше. Без всякой конспирологии. Хороший тому пример – недавний съезд армянской диаспоры в Москве, публично обсуждавшей формы лоббистской координации, создания эффективно действующей национальной корпорации.

Поскольку процесс последовательного культурно-политического, социогуманитарного обустройства России неизбежен, возникает масса вопросов: о его принципиальной структурности, базовых алгоритмах, об источниках доминирующего влияния. В конце концов, о самой морфологии процесса. И коль скоро, это в высшей степени перспективное и к тому же в настоящий момент исторически открытое для всех ветров поле предметной деятельности, то здесь, конечно же, неизбежны схватки, причем не менее пассионарные и не менее жестокие, чем в годы первоначального раздела советского наследия.

- *«Сюжет Ходорковского» – это, наверное, пример «мин замедленного действия» скрытых в землях Нового Эльдорадо. А какой пример положительно решенного социогуманитарного проекта (помимо консолидации армянской диаспоры) Вы могли бы привести?*

- Вспомним, что одним из наиболее успешных проектов в данной области, был кадровый проект, который реализовал Кириенко. С одной стороны, интересен функциональный, прикладной аспект явления, то есть попытка эффективно трансформировать российскую чиновничью среду; но с другой – сам алгоритм действия, инструментарий, который был применен для достижения достаточно локальных целей – использование средств и возможностей сетевой/постсовременной культуры. Культуры, к тому же связанной с пассионарной, преимущественно молодой, энергичной частью российского населения.

Этот комплексный механизм, включая элементы гибкого интеллектуального холдинга, был использован, в частности, для проектной активности и для концентрации кадрового ресурса. А дальше возникает пространство выбора: либо использовать выстроенное постиндустриальное производство в интересах госслужбы (скажем, той же, упомянутой выше трансформации бюрократического аппарата и повышения эффективности в сфере управления), либо эти механизмы начинают действовать в области политики, создавая политические связности и организованности. Можно было бы и другие примеры привести.

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

- Очевидна следующая проблема: для того, чтобы консолидировать гуманитарный ресурс, недостаточно просто купить его. Например, даже купив университет. Потому что люди, которые кормятся с одного стола, далеко не всегда представляют целостное интеллектуальное сообщество. Этого недостаточно. Нужны какие-то иные «приводные ремни», гуманитарного, интеллектуально-политического характера. Есть ли нечто такое, хотя бы в потенции, у плеяды олигархов, желающих играть на этом поле?

- Совершенно с Вами согласен. Но ответу сначала вполне обобщенным рассуждением, а затем все-таки постараюсь выйти к поднятой Вами теме, но – окольным путем.

Если вы профессионально занимаетесь интеллектуальным ландшафтом, то простой и естественный порыв – получить его картографию («базу данных»). Ну и, пожалуй, методологию инструментального использования ее в тех или иных целях. Речь, однако, идет о ландшафте, который носит динамичный, порой чрезвычайно подвижный и к тому же не вполне институциональный, а скорее проектный, неформальный и персоналистичный характер. Пространство, где играют существенную роль такие трудно уловимые, и удерживаемые понятия как импакт-фактор, профессиональный инсайт, интеллектуальное и творческое лидерство.

Так, прибегая к языку аналогий, административно-политическая карта мира, к примеру, монотонна, двумерна, обладает четкими стационарными границами. Геоэкономическая картография – уже трехмерна, отрешаясь от жесткой привязки к национальным границам, содержит в себе транснациональное «дневное» измерение (*большой социум*) и своеобразную трансграничную «изнанку» (*глобальный андеграунд*). Но и этот геоэкономический конструкт стремится к грандиозной глобальной оптимизации, к специфичной статичности, понимая и утверждая, к примеру, безопасность в основном как превентивность.

Творческий же, интеллектуальный ландшафт новых организованностей – мир корпоративной протоплазмы – в своей деятельной ипостаси обладает особой прихотливостью, выраженной нелинейной динамикой, своеобразной *дорожной картой*. И в конструктивном – проектном – аспекте имеет склонность, скорее, к преадаптации, нежели к превентивности. Кроме того, источник его энергий связан с тем обстоятельством, что у новизны, у творческих прорывов, у эффективных интеллектуальных стратегий – помимо поддерживающих и «раскручивающих» их кланов – есть вполне конкретные творцы. Процессы, о которых мы говорим, носят во многом личностный, персоналистичный характер. Личности, а не механизмы порождают новые когнитивные пространства и, в конечном счете, меняют ход истории...

- Александр Иванович, а Вы не разделяете понимание личности как функции? То есть понимание, согласно которому значение личности в истории есть всецело результат ее способности к надличностной репрезентации.

- В мире сейчас протекают два грандиозных процесса. Один, о котором регулярно говорится, – это *глобализация*, как бы ее ни трактовать. Другой – *индивидуация*, то есть переход человека, человечества в уникальную историческую ситуацию, в которой он никогда прежде не находился. Это возможность для ряда людей действовать вне авторитарных – как социальных, так и идеологических – структур.

Раньше таких личностей просто не существовало. Символы персонального могущества – правители, короли, президенты – отнюдь не были и не являются свободными людьми. Именно данная коллизия, ее осознание и начатки трансформации, суть трагедии Гамлета. Люди действовали в рамках традиции, достойно или менее достойно выполняя свои «родовые», профессиональные функции, считая это основой и сутью социализации. Смешивая, правда, при этом идеал сущего с идеалом возможного. Отсюда, кстати говоря, и устоявшееся восприятие городской культуры как основы, плоти цивилизации. Равно как и деревни – в качестве символа варварства или архаики.

Социальный постмодерн перетасовывает данную колоду карт: скажем, вилдджизация становится *high frontier* городской среды. И не только перетасовывает – просто сбрасывает ее со стола. Реальным горизонтом цивилизации оказывается геометрия деятельных корпораций (не только экономических), действующих во вполне транснациональной среде, приобретающей собственную сетку координат, автономную политическую размерность, свою систему «наций» и «отечеств».

К тому же, сейчас, появляется не просто свободно действующая личность, или группа личностей, но образуемые на этой гибкой, динамичной основе эффективно действующие, системно-модульные организационности, обладающие выраженной интенцией, интенсивной социальной амбицией. И при этом – доступом к финансовым, экономическим, технологическим, техническим, культурным, кадровым ресурсам. В сущности, в масштабе всей планеты.

- *И эта личность совершенно свободна, выведена из контекста социальной связанности, «отвязана»...*

- Совершенно верно. Это ведь, помимо прочего, своеобразный момент истины, историческое испытание для человечества, для его обретенных в процессе цивилизации (отглагольное существительное) качеств. Отсюда возможность необычайно сильных конструктивных проявлений, и вероятность необычайно сильных деструктивных акций. Для меня сама формула «*бин Ладен против цивилизации*», причем безотносительно к ее реальному содержанию, крайне эмблематична. Сама формула противопоставления человека государству и даже глобальному сообществу показывает изменившийся рисунок социальных связей, новый чертеж политических траекторий.

И здесь мы, кажется, наконец-то возвращаемся к поднятой Вами проблеме. Взятие под контроль образовательных структур, даже не учреждений, а воспитательно-образовательных, творческих и интеллектуальных циклов – это совсем не суммирование потенциала лекторов, профессуры, или системы отбора студентов-старшекурсников. Это культивирование среды, самого процесса выращивания, становления перспективной, пассионарной личности, формирование социогуманитарных параметров и траектории интеллектуального процесса, т.е. тех виртуальных путей и рубежей, которые как раз и имеют особое значение, вес, и свою цену в Новом мире. Возникает рой проектов, погруженных в некую сценарную плаценту. Избираемая, реализуемая в данных условиях стратегия, становится для общества своего рода нитью Ариадны. И порой на достаточно продолжительный срок.

В России на сегодняшний день отсутствует элитная инфраструктура, то есть не инфраструктура элитного потребления, а инфраструктура элитного воспитания, поведе-

ния и воспроизводства элиты, причем даже элементарный механизм «клуб – мозговой центр – государственные структуры» воспринимается как новация, а реализуется как карикатура.

А ведь данная система выполняет массу промежуточных и побочных функций, в том числе, по тому же кадровому отбору, воспитанию, дисциплинированию, своеобразному тестированию претендентов на пополнение элиты...

Проблема в том, что у нас сама категория элиты семантически повреждена. «Элитой» называется тот, кто имеет доступ к материальным и властным ресурсам. Но это все-таки не элита. Элита – те, кто определяют мировоззрение, исторические прописи общества, те, кто обладают «длинной волей», оперируют смыслами, деятельно различая и воплощая их. Звучит в российском контексте это, впрочем, как-то не вполне серьезно, потому что логика любого оператора ресурсов, представителя элиты в российском понимании, примерно такова: *«Я найму этих людей. Они мне все это сделают в любой момент».*

В данном умозаключении между тем присутствует серьезный, органичный дефект. Большие деньги редко существуют вне поля власти – тем более в России, где политический рельеф доминирует и нависает над экономическим, обрушиваясь порой камнепадом. Власть же, в свою очередь, ткется вокруг некоторой канвы, мировоззренческой и социальной, что уже гораздо менее очевидно. У земной власти есть своя метафизика. Выстраивание смыслового поля, операции на нем, – все это, конечно, не артикуляция лозунгов к случаю и не производство преходящих брендов, не интеллектуальное сопровождение предизбранного проекта и не операции одноразового инструментария политтехнологий. Вспомним, кстати, упоминавшееся фиаско нанятой советской «интеллектуальной обслуги»...

Или возьмем совершенно другой пример. Так на опыте становления эффективно действующей в современном мире американской элиты – как наиболее молодой, и потому доступной не только исторической памяти, но и более конкретным формам интеллектуального мониторинга – мы можем ретроспективно увидеть, что же составляет «центр циклона», а что в этой социальной метеорологии комплементарно и преходяще. Дело, конечно, не в том, что материальные ресурсы не играют никакой роли, – они играют серьезную, порой колоссальную роль. Суть проблемы, однако же, в системе ценностей, в историческом и властном целеположении, магнитным полем стягивающем и организующем ресурсы. В прочерчивании той траектории, которая проявляет себя как *идеальная модель* (геном) общества, как его устойчивая перспектива.

Скажем, многое подкупает в тезисах Чубайса, но некоторые основания его логики представляются дефектными. В частности, когда Анатолий Борисович предлагает рассматривать момент раздела собственности и, шире, «первичное накопление» как осевое время России, как момент зарождения новой элиты и при этом ссылается на американский опыт. Однако не «бандитские бароны» создавали Соединенные Штаты, закладывая основу их колоссальной энергетики, исторического порыва. Основу для всего этого заложила все-таки виргинская аристократия; более того, страну создавали пуритане – люди, которые были готовы идти на смерть ради идеи – центра их существа. И, случалось, шли... Иначе не было бы таких событий как, скажем, американская колонизация и американская революция.

Создавали Америку также пионеры, которые в поисках чаемого земного обиталища для себя и своих близких родили идею «дальней границы», *high frontier*. Соединенные Штаты создавали, в общем-то, самые разные люди, так или иначе замороженные идеей рождения нового общества, выстраивания иного порядка, освоения, реформации Богом данной человечеству Ойкумены. Сыграла тут определенную роль и англосаксонская модель правового общества, персоналистичная по существу, основанная на идее судебного прецедента, независимости и публичности судопроизводства... Совокупность этих начал, их проявлений, следствий и родило, в конце концов, феномен американского гражданского общества, столь ценящего частную инициативу, успех и в то же время по своему столь нетерпимого к жульничеству и прохиндейству (специфически американское отношение к тому, что определяется как *unfair*).

Сказанное выше отнюдь не отвергает трезвости и прагматизма, расчета и реализма в политическом планировании, тех или иных девиаций в *практической политике* и *политической практике*. Но американское общество – это ведь не только амальгама политических и экономических проекций и интересов, хотя и они – в свой черед – выражают долгоиграющую историческую амбицию. Можно заодно сослаться на определенную провиденциальность государственного проектирования плеядой *политических деятелей* того времени. В конце концов, – на качество и даже на стиль социальных и вербальных *текстов* отцов-основателей США. И сравнить все это с современной российской ситуацией, с опытом строительства «Новой России», России-РФ.

То, что закладывается в основание и становление социального организма, включая фигуры самих отцов-основателей, слишком во многих отношениях определяет дальнейшую судьбу страны и народа, особенно в критические периоды истории.

И в этом отношении, кажется, крайне поучителен контраст, к примеру, между Соединенными Штатами и... Австралией. Знаете, рискну привести по данному поводу, наверное, не слишком политкорректное рассуждение. Не правда ли, ведь это своего рода загадка, почему Австралия, огромнейшая, интереснейшая страна, которая населена энергичным англоязычным населением, в геокультурном смысле страна Севера, имевшая во многом схожие стартовые условия с Америкой, представляет, однако же, столь малозначительную для актуальной мировой ситуации величину. Не думаю, что ответ тут однозначен...

Но один из вариантов (компонентов) ответа на данный вопрос, – именно потому, что она создавалась по формуле, в чем-то перенимаемой Анатолием Борисовичем: каторжниками, преступниками, т.е. морально коррумпированными людьми, хотя, вероятно, по-своему пассионарными. Людьми, обладавшими деятельной энергией, но лишенными специфического *высокого горизонта*, что возможно и создало определенную вибрацию, которая пронизала затем социальную историю континента.

ИНТЕЛПРОС

- Если все же вернуться к начальному пункту нашего разговора... Вы говорите об отсутствующей в России элитной инфраструктуре. А что можно сказать об интеллектуальной инфраструктуре, в частности, в сфере аналитической журналистики?

- На сегодняшний день у нас в России имеется несколько социокультурных, политико-гуманитарных ареалов. Предметные сферы деятельности, связанные с мониторингом социальных процессов и управлением ими, со стратегированием, с аналитическим проектированием и политехнологиями, с системой разных форм образования, с наукой, с культурой в самых многообразных ее проявлениях. И густая поросль интеллектуальных изданий/средств коммуникации различного толка.

В свое время на этом поле мое внимание привлекли, в частности, литературные «толстые журналы», причем, с парадоксальной стороны. Не основным содержанием, т.е. художественными текстами, а то, что они занимали достаточно уникальную на тот момент нишу. Тексты, которые появлялись в средствах массовой информации, включая электронные, как правило, носили слишком конъюнктурный, преходящий характер, они были усечены и *up to date*, целенаправленно преследуя актуальность. Тексты же, которые печатаются в книгах, издаются, как правило, *post factum*, они оценивают состоявшуюся ситуацию, когда интереснее нечто иное, зарождающееся, становящееся.

«Толстые журналы», до какого-то момента, заполняли этот зазор аналитическими, «избыточными» статьями, которые не были актуальны в категориях средств массовой информации, но были свежи и, одновременно, полновесны с точки зрения состояния, динамики культурно-интеллектуальной, общественной ситуации. Причем помещали эту аналитику в определенный хорошо темперированный культурный контекст.

Однако с развитием сетевых порталов и электронных изданий – процесс, который сопровождался распространением самой компьютерной культуры в России (включая ее географию и аппаратную часть) – Интернет стал перенимать эстафету в данной области. Все это, впрочем, достаточно известная часть истории российской аналитической журналистики, поэтому не буду подробно на ней останавливаться.

Более значительное и актуальное явление – попытка создания интегрированных холдингов в социогуманитарной среде. И, собственно, процесс, развития которого я ожидал где-то, начиная с 2002-го года, – системная трансформация политехнологических организованностей **ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РОССИИ** в специфические, культурно-интеллектуальные корпорации. Появления своего рода постиндустриального холдинга **ИНТЕЛПРОС** (а заодно и плеяды *олигархов-эфироκραтов*) – способного взять на себя, в числе других задач, миссию широкого концептуального поиска, стратегической разведки/аналитики, системного проектирования, но при этом претендовать и на нечто большее. Собственно на то, о чем мы с Вами говорили в начале беседы...

Тут хотелось бы сделать некоторое отступление от темы. В конечном счете, социальный организм, который не понимает, зачем он существует, обречен находиться в управлении у других организмов, которые вполне сознают цели своего бытия. Поэтому, если у России нет своей стратегии, то это означает лишь то, что она сама есть элемент какой-то иной стратегической композиции.

Необходимость реального, а не политехнологического стратегирования – важная составляющая постиндустриального комплекса. Другая ее составляющая – кадровая, потому что процесс стратегического целеполагания в новой реальности базируется все же не на разведанных и аналитических документах, а на личностях, которые обладают достаточно редким набором качеств.

Обладают они определенным интеллектуальным уровнем, образованием, знанием, осознают проблемы общества и мира, чувствуют свою социальную/историческую ответственность. Но обладают также определенной интегральностью личности, интегративностью, способностью совершать действия, порой вопреки собственным интересам, окружению, обстоятельствам. Действие эти, случается, носят не слишком приглядный характер, но специфическая черта человека элиты состоит в том, что он понимает почему и, главное, *что именно* он делает. Даже в условиях «дьявольской альтернативы». Если же подобное понимание отсутствует, он утрачивает интегративность и попадает в водоворот коррупции.

Удивительно, однако, как «большие смыслы» в человеческом космосе сопрягаются друг с другом. Даже если мы возьмем такое меркантильное пространство, как финансы, то, в конечном счете, большие деньги, также создаются интегральными смыслами, и степень коррумпированности личности имеет даже здесь вполне практический смысл. Социальная система вообще напоминает мне вертикаль, уходящую в бесконечность. Люди делают некоторый бросок вверх и отходят в сторону, нажимая кнопку соответствующего (персонального, группового) этажа, почувствовав свой потолок.

Элита – это смысловая вертикаль, которая держит архитектуру социального пространства. Садясь в «лифт вертикальной мобильности», идеальный представитель элиты (*человек на все времена*) не хочет выходить на определенном меркантильном этаже, как бы высок ни был уровень. Но если выходит, – а это, конечно же, совсем не редкая ситуация, – то на достаточно высоком градусе (правда, случается, тут же проваливаясь в бездну). В результате – к примеру, в финансовой сфере, коль скоро мы остановились на ней, – он создает не «свечные заводики», а такие квазиметафизические феномены как *новые деньги*, конфигурации *глобального долга*, систему *управления рисками* и т.д.

То есть, чем выше ставка, тем более сложноорганизованное, полифоничное сокровище этот амбициозный Джек приносит по «бобовому стеблю» на землю. Но, перерубив основания метафизического стебля, даже с высоты своего земного этажа, даже из пентхауса, порою с тоскою и страстным интересом глядит в небо.

Вернемся, однако, к теме разговора. То, что происходит в России и то, что, безусловно, отражается на состоянии ее интеллектуального поля – это массовый выход российских пассионариев в пространства коррупции. Коррупция у нас понимается как взяточничество. Но взяточничество есть лишь одно из следствий внутренней дезинтеграции личности. Поэтому столь часто конструктивная активность вырождается сегодня на практике в деятельность по созданию того или иного прикладного механизма («приводного ремня коррупции»), замещая социальное пространство лабиринтом конфликтующих частных смыслов. А деятельность по их увязыванию и «разруливанию» вполне серьезно воспринимается не как интрига, но как политика.

Отсюда, кстати, один из источников обостряющейся проблемы адекватности контакта с глобальными элитами. Не случайно представители последних в частных разговорах отмечают, что испытывают чувство глубокого удивления при коммуникации с самыми разными представителями российской элиты. В частности и потому, что обсуждаемые вопросы носят тотально прикладной характер; нет, в сущности, стратегического контекста, в рамках которого только и возможен обмен позиций, равно как и достижение долгосрочного консенсуса. Для другого порядка вещей, помимо соответствующей аналити-

ки, должны существовать личности, которые владеют какими-то другими смыслами, однако острый дефицит подобных смыслов – это, кажется, и есть наиболее актуальная проблема России.

Правда, одновременно, как и всякий дефицит в рыночной экономике, – это все-таки некоторый стимул к росту «предложения». Стимул к тому, чтобы некая генерация людей, способных к раскрытию подобных смыслов, к деятельному картографированию постиндустриального пейзажа России начала реализовываться.

И еще одно сопутствующее замечание. Возникает ощущение, что именно сейчас многие из тех институций, которые присутствовали и доминировали на интеллектуальном поле страны последнее десятилетие, симулируя политическое мышление, гуманитарное образование, аналитику и информацию – порой заимствуя для своей пустотности модную квазизарубежную либо, напротив, традиционалистскую оболочку – сами собой уходят на периферию внимания либо трансформируются. Мы переживаем транзитное состояние постиндустриального барьера, по-своему благоприятствующее полномасштабной смене референтных фигур в экспертной, журналистской, гуманитарно-политической среде.

- Чего же, по-вашему, недостает толстым политологическим журналам, клубам, теледебатам? Ведь заимствуются вполне устоявшиеся, проверенные временем формы. Откуда же возникает это ощущение дефекта содержания?

- Наверное, можно выделить несколько существенных дефектов, но я сфокусирую внимание на одном. Это отбор людей по принципу номенклатурной позиции или законов шоу-бизнеса. Слишком часто в результате мы имеем более-менее рафинированную оболочку, лишенную, однако же, реального содержания – если под содержанием понимать содержательность. Иначе говоря, получается эффект выеденного – и даже не один раз – яйца.

Мы не видим реального движения мысли, на сцене господствует универсальный российский практикабль. Интеллектуальный мониторинг, осуществляемый потенциальными интеллектуальными холдингами – это еще и поиск тех личностей, которые находятся в творческой динамике.

- И снова возвращаясь к началу разговора. Почему Вы все же склонны вести речь о «постиндустриальном переделе», перераспределении нематериальных ресурсов, если фактически описываете ситуацию недооформленного культурно-политического ландшафта, в котором движение может осуществляться за счет создания новых ниш, а не за счет «взятия под контроль» уже имеющихся ресурсов?

- Во-первых, вкладывая в понятие «передел» смысл переформатирования, культивации существующих потенциалов в более-менее перспективные формы, в востребованный временем и обстоятельствами текст.

Во-вторых, потому что жизнь это еще и определенная мера компромисса. В России все-таки немалое количество PI-ресурсов (*постиндустриальных ресурсов*), которые можно использовать гораздо эффективнее. Это естественный, инерционный, ход мысли. Хотя, согласен, в нем присутствует определенная дефектность, или, точнее, баланс, граница, чувство которой было бы нежелательно утратить. Вы, конечно, можете пытаться

создавать амбициозные организации с нуля и у вас может что-то получиться и что-то даже очень значительное, но более традиционный, понятный, более логичный (в линейной логике) организационно-деятельностный ход – это путь, в той или иной мере использования, «перформативности» имеющихся в наличии ресурсов.

- Если говорить о наличных интеллектуальных, социогуманитарных ресурсах, как бы сейчас можно было вкратце их инвентаризировать?

- Я обмолвился о том, что с 2002 года ждал образования деятельных интеллектуальных корпораций, интеллектуально-культурных холдингов, которые могли бы представлять следующую, по-своему естественную ступеньку развития, эволюции политтехнологических корпоративностей...

- Тем не менее, этого перерастания не произошло...

- Да, качественного перерастания, пожалуй, не произошло, хотя определенная организационная динамика все же имела место. К тому же, многим из тех, кто продолжительное время работал в политтехнологической среде, оказалось достаточно сложно перевести себя в регистр иного формата интеллектуального проектирования, почувствовать присутствие в той же, в общем-то, сфере деятельности иного, менее прагматичного предметного поля. Интеллектуальные проблемы, в конечном счете, это проблемы творческие, а творчество – надеюсь, это не прозвучит банально, – есть дар Божий, что налагает определенную ответственность и формирует систему отношений. И даже их стилистику.

Дело, в сущности, не в том, что работа в политтехнологической среде ломала чистоту линии, упрощала интеллектуальный рисунок, порой она его даже изощряла. Но что такое политтехнологическая деятельность? Это двусмысленный процесс. Проблема здесь аналогична поиску баланса между прозой и поэзией, если угодно. Сохранение креативности и сохранение интегративности представляет проблему для любого человека в любом обществе. В частности и поэтому плавного перехода политтехнологических холдингов на уровень интеллектуальных корпораций не получается, хотя это, наверное, далеко не главное основание. Как говорил один политический деятель: «Процесс пошел», и тот или иной результат будет достигнут. Все чаще появляется ощущение долгосрочной проектной перспективы уже по ту сторону «конца истории» или исторического *Big Bang`а*.

Личностные усилия особенно продуктивны тогда, когда вступают в резонанс с глубинными вибрациями среды. А именно сегодня налицо трансформационная ситуация, определяемая как минимум двумя историческими вызовами. Первый – транснациональный, основанный на стремительном изменении среды/форм коммуникации глобальных элит и новых организованностей. Второй – сугубо российский, связанный с проблемой постиндустриального, постсовременного проектирования страны, с новой креативностью, с наполнением стратегическим смыслом актуальной формулы России.

Видимо пришла пора размышлять о реальной альтернативности образов будущего.

Беседу вел Михаил Ремизов

СОКРАЩЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ А.И. НЕКЛЕССЫ 2000-2003 гг.

Отдельные работы: монографии, сборники статей, брошюры

1. Стратегия и современность / Университетская корпорация «Школа культурной политики». – М., 2003.
2. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2.– М.: Восточная литература, 2002.
3. Неопознанная культура / Научный Совет по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001.
4. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетейа, 2000.

Главы в монографиях и статьи в сборниках

5. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация: восхождение и слом. – М.: Наука, 2003.
6. Реконфигурация мира / Россия в центрo-периферическом мироустройстве / Отв. ред. Д.Ю. Глинский. – М.: Московское представительство Фонда Ф. Эберта, 2003.
7. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. — М.: Юрист, 2003.
8. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева), т.3. / Отв. ред. В.А. Зятцкий. – М., 2002.
9. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002.
10. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России. Т. I. – М.: Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2002.
11. Творческий континент Россия // Суций. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 2 изд., испр. и доп. – М.; Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2002.
12. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика, 2001.
13. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
14. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
15. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века –5: Неоэкономика. – М.: Юрист, 2001.
16. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономика: реальность, виртуальность и мифотворчество. – М.: ТЕИС, 2000.
17. Pax Economіcana // Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономика. – М.: Юрист, 2000.

Статьи в журналах, альманахах, продолжающихся изданиях

18. Социокосмос, или мир по обе стороны исторического *Big Bang*'а // Россия XXI. – М., 2003, №5.
19. Глобальный каталог // Москва. – М., 2003, №7.
20. Господин воздуха // Полис. Политические исследования. – М., 2003, №3.
21. Мир, который построил Буш: логика геоэкономической трансформации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №3.
22. Логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2003, № 5.
23. Инновация и революция // Дружба народов. – М., 2003, №4.
24. Трансграничье, его ландшафты и обитатели // Архэ. Культуротехнический альманах. – М.; Томск: Дельтаплан, 2003, Вып.4: Гуманитарная Россия, координаты становления.
25. Глобальная трансформация и российский узел // Россия XXI. – М., 2003, №1.
26. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2003, №1.
27. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. – М.: Фонд Карнеги за международный мир, Осень 2002, т.7, №4.
28. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. – М., 2002, №4.

29. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9.
30. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9.
31. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством *новых* возможностей? // СоОбщение. – М., 2002, №9.
32. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4.
33. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.
34. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3.
35. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.
36. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. – М., 2002, №1.
37. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1.
38. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток (Oriens). – М.: Наука, 2002, №1.
39. Проект «Глобализация» // Глобальные и стратегические исследования. Вып.1. – М., 2002.
40. Порог Нового мира // Москва. – М., 2001, №10.
41. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток (Oriens). – М.: Наука, 2001, №5.
42. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток (Oriens). – М.: Наука, 2001, №4.
43. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3.
44. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3.
45. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М.: Новый мир, 2001, №3.
46. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
47. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН. – М., 2001, №1.
48. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6.
49. Трансмутация истории и ментальность человека // Мир психологии.. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4.
50. Осмысление Нового мира // Восток (Oriens). – М.: Наука, 2000, №4.
51. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1,2.
52. Fin de Millennium, или Реквием XX веку // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2000, №1.
53. Реквием XX веку // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000, №1-2.
54. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1.

Доклады и выступления

55. Интеллектуальная корпорация. Вызовы времени / Круглый стол «Интеллектуальная корпорация» // СоОбщение. – М., 2003, №5.
56. Глобальная трансформация и российский узел: социальные конструкции постиндустриальной эры // Конструирование будущего. СПб.: Издательский дом «Corvus», 2003, №1.
57. Инновация и революция. – СПб.: Школа инновационных менеджеров, 2002.
58. Мир после 11 сентября: развитие стратегической инициативы // Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 2002, №9.
59. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
60. Конец эпохи Большого Модерна // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. – М.: Добросвет, 2000.

Интервью

61. Стратегическая симфония // Экономические стратегии. – М., 2003, №2, 3, 4.
62. Версия силового обеспечения // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2003, №12.
63. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М., 2001, №5-6.
64. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34.
65. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М., 2001, №1.